СОВРЕМЕННЫЯ ПѢСНИ

(ПОДРАЖАНІЕ БЕРАНЖЕ)

И

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОЭТИЧЕСКІЯ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Людмилы Кондратовой.

Цѣна 30 коп.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ДОМА ПРИЗРѢНІЯ МАЛОЛѢТНИХЪ БѢДНЫХЪ.

1873.

СОВРЕМЕННЫЯ ПѢСНИ

(ПОДРАЖАНІЕ БЕРАНЖЕ)

И

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОЭТИЧЕСКІЯ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Людмилы Кондратовой.

Цѣна 50 коп.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ДОМА ПРИЗРѢНІЯ МАЛОЛѢТНИХЪ БѢДНЫХЪ.

1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1873 года.

Константину Павловичу Шуринову.

Вамъ, какъ любителю литературы и какъ многоуважаемому земляку моему, я посвящаю литературный трудъ мой въ память того, что тотъ край, гдѣ Ваше имѣніе, гдѣ Вы обитаете въ настоящее время, есть моя родина, гдѣ протекло мое дѣтство, гдѣ развивались во мнѣ поэзія и стремленіе къ литературному труду.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять мой трудъ, какъ знакъ моего глубокаго уваженія къ Вамъ.

Людмила Кондратова.

1873 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОВРЕМЕННЫЯ ПѢСНИ.

(Подражаніе Беранже).

ЮНОСТЬ.

Юность, гостья дорогая,
Счастья пышная звѣзда,
Беззаботная, живая
И кипучая всегда,
Будто призракъ промелькнула,
Улетѣла, скрылась вдругъ,
Измѣнила, обманула,
Какъ любви коварный другъ.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
Жаль ее мнѣ, жаль невольно:
Съ нею жизнь была милѣй,—
И сознать мнѣ грустно, больно,
Что должно проститься съ ней.

Всѣ высокія мечтанья,
Вѣру въ жизнь, души покой
И всѣ лучшія желанья
Унесла она съ собой.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
Она сердце веселила,
Завлекала далеко;
Чѣмъ судьба порой грозила,
Съ ней сносилось все легко.
Съ нею всякая невзгода,
Нужды, горе—ни почемъ;
Ей нужна одна свобода,
Нуженъ ей просторъ во всемъ.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
Жизнью бѣшеной, кипучей
Сердце билося при ней;
Она силою могучей,
Все брала изъ рукъ людей.
Ни препоны, ни предѣла
Ея не было мечтамъ;
Она вдаль, все вдаль летѣла
И парила къ небесамъ.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
Съ ней пылало вдохновенье
И сильнѣй кипѣла кровь;

Море счастья, наслажденья
Разливала съ ней любовь.
Міръ земной сіялъ красами,
Жизнь заманчива была,
Хорошо жилось съ людями,
Ихъ душа любить могла.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
А безъ ней все, все не мило,
Жизнь какъ будто отцвѣла,
Будто въ жилахъ кровь остыла,
Грусть на сердцѣ залегла.
Міръ земной ужъ не чаруетъ,
И любовь-то не любовь;
Все не такъ уже волнуетъ,
Не даритъ блаженства вновь.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.
И ни тѣ безъ ней мечтанья,
Опытъ все стопталъ во прахъ,
Обманули всѣ желанья,
Нѣтъ ужъ масокъ на людяхъ.
Ихъ любить душа не можетъ,
Ихъ открыта чернота;
Злоба души ихъ тревожитъ,
Въ головахъ ихъ пустота.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее—

Чтобъ въ волшебномъ заблужденьи
Хоть-бы часъ еще прожить,
Чтобы чашу наслажденья
Съ ней до дна опять испить;
Чтобы съ гостьей дорогою
Жизнь опять была милѣй,
Чтобы съ вѣрою слѣпою
Вновь взглянуть мнѣ на людей.
То, что мнѣ всего милѣе,
Все завѣтное мое,
Отдала-бъ я не жалѣя,
Чтобы мнѣ вернуть ее.

—

ПЛАЧЪ ВДОВЫ.

Мой Ѳеденька лежитъ,
Увы, въ гробу....
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Зачѣмъ она лишила
Меня опоры въ немъ?
Его я не любила,
Но вспомнить есть о чемъ.
Онъ былъ дуренъ собою,
На мопса былъ похожъ,
Зато былъ добръ душою,
И нравомъ былъ хорошъ.
Мой Ѳеденька лежитъ,
Увы, въ гробу....
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Вѣдь я его держала
Всегда подъ башмакомъ,

За нимъ грѣхи скрывала,
Была права во всемъ.
Онъ ширмой былъ прекрасной,
Ни въ чемъ мнѣ ни мѣшалъ,
Мужъ не былъ самовластный
Во всемъ мнѣ угождалъ.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Онъ счастливъ былъ по службѣ,
Умѣлъ дѣла справлять,
Съ начальствомъ былъ онъ въ дружбѣ,
Умѣлъ и взятки брать.
И щедрою рукою
Онъ деньги мнѣ давалъ,
Любилъ кутить со мною,
Наряды покупалъ.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Бывало веселюся
Съ друзьями я порой,
Къ кому ни обращуся—
Поклонникъ каждый мой;
А онъ не замѣчаетъ,
За мною не глядитъ,
На торбанѣ играетъ
Да перпеломъ свиститъ.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!

Всегда онъ неизмѣнно
Любезенъ, веселъ былъ;
За торбаномъ мгновенно
Ударъ его убилъ.
И кстати завѣщанье
Давно онъ подписалъ,
Въ сто тысячъ состоянье
Мнѣ въ немъ онъ отказалъ.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Когда его отняли
На вѣки у меня,
Такъ пусть же отъ печали
Умру теперь и я.
Пусть мнѣ глаза закроютъ
Покровомъ хоть однимъ,
Пускай меня зароютъ
Въ одной могилѣ съ нимъ.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Нѣтъ, жалко состоянья,
Нѣтъ-нѣтъ, хочу я жить:
Безплодное страданье,
Съ нимъ можно позабыть.
Хоть молодость умчалась,
Исчезла красота,
Но золота осталось—
Жизнь будетъ не пуста.
Мой Өеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...

Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!
Теперь онъ не проснется
И будетъ вѣчно спать,
Меня-жъ еще найдется
Немало обожать
Хотя уже заштатныхъ
Банкротовъ жениховъ,
Собой еще пріятныхъ;
Повеселюся вновь.
Мой Ѳеденька лежитъ,
Увы, въ гробу...
Какъ ропотъ не излить
Мнѣ на судьбу!

—

СЧАСТЛИВАЯ НЕВѢСТА.

Вотъ-вотъ она предъ нами,
Съ подбѣленнымъ лицомъ,
Съ румяными щеками,
Въ нарядѣ дорогомъ.
Браслеты золотые
И кольца на рукахъ,
И серьги дорогія
Блестятъ въ ея ушахъ.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Нѣтъ—нѣтъ, теперь значенье
Не то уже ея—,
Отдайте ей почтенье,
Подальше отъ нея.

Она купчихой стала
И смотритъ свысока:
Вѣдь кладомъ овладала
Завѣтнымъ старика.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Не въ хижинѣ убогой
Теперь она живетъ,
Не прежнюю дорогой
И въ жизни ужъ идетъ;
Теперь она мечтаетъ
О счастіи другомъ,
Все роскошью блистаетъ
Всегда въ быту своемъ.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Теперь она садится
Преважно на диванъ,
И вкругъ нея вертится
Какой нибудь болванъ.
И робко онъ, съ смущеньемъ
Ей про любовь поетъ;
Сгорая нетерпѣньемъ,
Ея отвѣта ждетъ.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Она ему внимаетъ
Съ восторгомъ, но молчитъ

И въ карты все гадаетъ,
Чтобы волненье скрыть;
Иль скажетъ горделиво:
« Подумать надо мнѣ »,
Потупитъ взглядъ стыдливо
И пригласитъ къ себѣ.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Молва-то не напрасно
Все ходитъ межъ людей,
Что жениховъ всечасно
Таскаютъ свахи къ ней;
Невѣстою счастливой
По городу слыветъ
И очень щекотливый
Порой отказъ даетъ.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?
Все прошлое забыто,
Все то, что было съ ней,
За что была убита
Презрѣніемъ людей.
Поклонники всѣ злата—
Готовы ей продать
Свободу безъ возврата
И сердце ей отдать.
Кто-бъ старую знакомку,
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?

Готовы вѣкъ смиренно
Подъ башмакомъ прожить,
Хотя имъ, несомнѣнно,
Отъ ней не получить
И части ея клада,
Богатствомъ не владать;
Но будетъ въ томъ отрада,
Что хоть о немъ мечтать.
Кто-бъ старую знакомку
Теперь въ ней угадалъ
И хоть-бы потихоньку
Мѣщанкою назвалъ?

—

ВАЖНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Провинціальный франтъ...
Въ немъ вѣрная примѣта,
Что онъ всѣхъ модъ педантъ,
Кумиръ большаго свѣта
Въ изящномъ вкусѣ онъ,
Одѣтъ всегда богато
И держитъ гордый тонъ
И важный видъ магната.
Оселъ изъ всѣхъ ословъ
Породы драгоцѣнной
И золотыхъ роговъ
Сіяньемъ украшенный.
Всегда на всѣхъ балахъ
Онъ первый гость почетный;
Въ общественныхъ садахъ,
Какъ мальчикъ беззаботный,
Пируетъ иногда—
Все ищетъ приключенья,

И тамъ ему всегда
Всѣ отдаютъ почтенье.
Оселъ вѣдь изъ ословъ
Породы драгоцѣнной
И золотыхъ роговъ
Сіяньемъ украшенный.
И тамъ-то кто нибудь
Съ нимъ рядомъ сѣсть не смѣетъ:
Нѣтъ, каждый не забудь,
Сближенье съ кѣмъ имѣетъ;
Ато къ нему спиной
Тотчасъ онъ обратится
И дерзость съѣсть порой
За это не боится.
Оселъ вѣдь изъ ословъ
Породы драгоцѣнной
И золотыхъ роговъ
Сіяньемъ украшенный.
Хоть гадокъ онъ собой,
Хоть разжирѣлъ, расплылся
Онъ какъ медвѣдь какой,
Хоть саломъ весь покрылся,
Хоть старъ, хоть сѣдъ давно,—
Зовется сердцеѣдомъ:
Конца нѣтъ, все равно,
Еще его побѣдамъ.
Оселъ вѣдь изъ ословъ
Породы драгоцѣнной
И золотыхъ роговъ
Сіяньемъ украшенный.
Вѣдь онъ, хоть и уродъ,
Въ чертогахъ обитаетъ,
Которые народъ
Берлогой называетъ.

Такъ какъ же тутъ къ нему
Не чувствовать влеченья?
Дано судьбой ему
Не малое значенье.
        Оселъ вѣдь изъ ословъ
        Породы драгоцѣнной
        И золотыхъ роговъ
        Сіяньемъ украшенный.

—

БЕЗЗАБОТНЫЙ.

Вотъ беззаботный малый,
Все только въ карты бьетъ,
И франтъ хотя увялый,
Все тра-ла-ла поетъ.
        Онъ bon courage всегда,
        Не скученъ никогда.
Одѣтъ весьма прилично,
По модѣ, и въ очкахъ;
Проводитъ жизнь отлично,
Все бредитъ о пирахъ.
        Онъ bon courage всегда,
        Не скученъ никогда.
Отъ лишняго покоя
И отъ роскошныхъ блюдъ
Онъ сталъ массивнѣй вдвое,
Животъ горою вздутъ.
        Онъ bon courage всегда,
        Не скученъ никогда.
Все весь въ жару пылаетъ,
Въ немъ кровь бурлитъ, кипитъ,
Все потъ онъ обтираетъ,
Порою все кряхтитъ.

Онъ bon courage всегда.
Не скученъ никогда.
Глаза полузакрыты,
Всегда чуть-чуть глядятъ,
А ноги какъ разбиты,—
Подагрою грозятъ.
Онъ bon courage всегда,
Не скученъ никогда.
Трудовъ онъ избѣгаетъ,
Онъ службы не несетъ
И самъ того не знаетъ,
На свѣтѣ чѣмъ живетъ.
Онъ bon courage всегда,
Не скученъ никогда.
Въ женѣ все состоянье,
Все достаетъ она,
О всемъ ея старанье:
На то она умна.
Онъ bon courage всегда,
Не скученъ никогда.
Гдѣ что достать съумѣла?
Богата отчего?—
То знать ему нѣтъ дѣла:
Ему не до того.
Онъ bon courage всегда,
Не скученъ никогда.
Онъ лишь гостей встрѣчаетъ,
Свой соблюдая тонъ,
И всѣхъ къ ней провожаетъ
Съ поклономъ низкимъ онъ.
Онъ bon courage всегда,
Не скученъ никогда.
Какіе разговоры
Они ведутъ тамъ съ ней?—

Не входитъ онъ въ ихъ споры,
Извѣстно все лишь ей.
　　Онъ bon courage всегда,
　　Не скученъ никогда.
Зачѣмъ бываетъ много
Мужчинъ, дѣвицъ у нихъ?—
Не наблюдаетъ строго,
Не замѣчаетъ ихъ.
　　Онъ bon courage всегда,
　　Не скученъ никогда.
Зачѣмъ порой до свѣта
Все пиръ у нихъ идетъ?—
На сей вопросъ отвѣта
Онъ отъ жены не ждетъ.
　　Онъ bon courage всегда,
　　Не скученъ никогда.

—

КАТЯ.

Ахъ, Катя! Ты ли это?
Тебя нельзя узнать!
Уже въ гостинныхъ свѣта
Ты стала засѣдать,
Вступаешь въ разговоры
И смѣло говоришь,
Не потупляешь взоры,
А свысока глядишь,
　　Роль госпожи играешь.
　　Но ты смѣшишь собой:
　　Ее лишь представляешь,
　　Иль дразнишь ты порой.
Хотя нарядъ богатый
Твой облекаетъ станъ,

Хоть твой шиньонъ косматый
Искуственно убранъ,
Хоть роскошью, новизной—
Въ тебѣ все взглядъ манитъ,
Поддѣльною бѣлизной
Хотя лицо блеститъ;
Но все ты поражаешь
И все смѣшишь собой:
Кого-то представляешь,
Иль дразнишь ты порой.
Заученыя фразы
Хотя ты говоришь,
Хоть прошлыя проказы
Глубоко ты таишь,
Хоть много въ тебѣ чванства,
Хоть ты ужъ не проста,—
Смѣшно твое жеманство,
И рѣчь твоя пуста.
Невольно поражаешь
И все смѣшишь собой:
Кого-то представляешь,
Иль дразнишь ты порой.
Нѣтъ, въ прежнемъ положеньи
Милѣе ты была,
Когда ты въ заведеньи
Модисткою жила,
Гдѣ весело встрѣчала
Ты всѣхъ гостей всегда...
Вдругъ госпожею стала—
Нѣтъ прошлаго слѣда.
Другую роль играешь,
Но ты смѣшишь собой:
Кого-то представляешь,
Иль дразнишь ты порой.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ЮНОША.

Единственный сынокъ
И баловень счастливый,
Увы! нейдетъ онъ въ прокъ
Maman чадолюбивой.
Она-то передъ нимъ
Все ласки расточаетъ,
Его птенцомъ своимъ
Все нѣжно называетъ;
А онъ грубитъ, болванъ,
Не прочь ее обидѣть, —
Тотчасъ напьется пьянъ,
Изъ дома только выйдетъ.
Тотчасъ ея птенецъ
Въ скандалахъ попадется,
И веселъ молодецъ,
Безсмысленно смѣется.
Межъ тѣмъ, доносятъ ей,
Что стекла имъ побиты
Въ домахъ чужихъ людей,
Что всѣ грѣхи открыты.
Чтобъ дѣло прекратить,
Maman тутъ поспѣшаетъ
Истцовъ всѣхъ съ нимъ мирить,
Всѣхъ щедро награждаетъ.
Птенецъ спасенъ и съ ней
По прежнему бранится,
Опять бѣжитъ скорѣй
Въ трактиры веселиться.
Опять ея птенецъ
Въ скандалахъ попадется,
И веселъ молодецъ,
Безсмысленно смѣется.

Межъ тѣмъ, его зовутъ
Къ суду и обвиняютъ;
Вновь подъ арестъ берутъ,
Потомъ въ тюрьму сажаютъ
За то, что онъ вступалъ
Отчаянно въ сраженье,
Когда свершить желалъ
Красотки похищенье.
Maman тутъ слезы льетъ
И трауръ надѣваетъ,
Свой кошелекъ трясетъ, —
Опять птенца спасаетъ.
Опять спасенъ птенецъ,
Вновь съ радости напьется,
И веселъ молодецъ,
Безсмысленно смѣется.
Межъ тѣмъ, maman грозитъ
Банкротство въ состояньи:
Вѣдь сколько ни платить
За всѣ птенца дѣянья.
Женить его—мечтать
Maman тутъ начинаетъ;
Богачку отыскать
Свахъ всюду разсылаетъ.
Но нѣтъ: «вездѣ отказъ;
Богачки имъ бракуютъ
По случаю проказъ»;
Такъ свахи ей толкуютъ.
Обиженный птенецъ
Вновь съ горести напьется,
И веселъ молодецъ,
Безсмысленно смѣется.

—

БЕЗУМНАЯ.

Своей волшебной красотой
Давно ль она еще блистала
И украшала свѣтъ собой?
Давноли всѣхъ она плѣняла?
Давно-ль поклонники несли
Ей въ даръ свою любовь и злато? —
Теперь дни счастія прошли,
Для ней все сгибло безъ возврата.
Ея ужъ нѣтъ въ кругу людей.
Ахъ, пожалѣйте вы о ней!
Она не та, какой была;
Ее сгубили страсти злыя,
Она для жизни отцвѣла,
Увяла въ годы молодые.
Слѣда былаго не видать,
Исчезла красота и сила,
Свою ужасную печать
На ней безумье положило.
Ея ужъ нѣтъ въ кругу людей.
Ахъ, пожалѣйте вы о ней!...
Изсохло, выцвѣло лицо,
И ужъ морщины покрываютъ
Теперь страдалицы чело,
Черты же муку выражаютъ.
Она разительно-страшна,
Изъ устъ звукъ бредный вылетаетъ,
Въ глазахъ безсмысленность видна,
Ни жизнь, ни умъ въ нихъ не блистаетъ.
Ея ужъ нѣтъ въ кругу людей.
Ахъ, пожалѣйте вы о ней!
Въ убогой комнаткѣ одной
Ее, бѣдняжку, заключили;

Въ могилѣ ждетъ ее покой,
Ея всѣ люди позабыли.
Богъ-вѣсть дѣвалося куда
Ея большое состоянье,
Надъ ней господствуетъ всегда
Опекуна давно вліянье.
Ея ужъ нѣтъ въ кругу людей.
Ахъ, пожалѣйте вы о ней!

—

РѢДКІЙ ДРУГЪ.

Онъ вамъ всегда докажетъ,
Что неизмѣненъ онъ,
Что въ гробъ съ тѣмъ чувствомъ ляжетъ,
Которымъ увлеченъ,
Что позабыть не въ силахъ
О васъ онъ никогда.
Въ словахъ краснорѣчивыхъ
Свою любовь всегда
Онъ изольетъ предъ вами,
Все клятвой подтвердитъ —
И скажете вы сами:
«Онъ правду говоритъ».
Но только до кармана
Его коснитесь вдругъ,—
Другъ вѣрный, безъ обмана —
Тотчасъ же вамъ не другъ.
Тотчасъ отказъ вамъ скажетъ,
Подальше тутъ отъ васъ,
Вамъ помощь не окажетъ
Онъ въ трудный жизни часъ.
Онъ деньги больше любитъ
На свѣтѣ всѣхъ друзей,

Для нихъ на вѣкъ погубитъ
Любовь въ душѣ своей,
Для нихъ онъ отречется
Отъ васъ и отъ всего,
Чѣмъ сердце его бьется
И жаждетъ онъ чего.
Лишь только до кармана
Его коснитесь вдругъ,—
Другъ вѣрный, безъ обмана —
Тотчасъ же вамъ не другъ.
Въ другомъ въ чемъ радъ душою
Онъ вамъ во всемъ служить;
Не жертвуя собою,
Съ врагомъ васъ помирить
И дѣло ваше справить
Вамъ дастъ совѣтъ благой,
Вамъ протеже составить,
Васъ разведетъ съ бѣдой.
При обществѣ, вниманьемъ
Онъ васъ не обойдетъ,
А съ добрымъ пожеланьемъ
Онъ руку вамъ пожметъ.
Но только до кармана
Его, коснитесь вдругъ,—
Другъ вѣрный, безъ обмана —
Тотчасъ же вамъ не другъ.
Охотно съ вами будетъ
Онъ горе раздѣлять;
Докажетъ, какъ васъ любитъ,
Васъ станетъ утѣшать.
Больны вы,—сожалѣнье
Спѣшитъ вамъ изъявить
И, плача, увѣренья
Въ любви вамъ говоритъ.

Васъ съ праздникомъ поздравить
Пріѣдетъ онъ всегда,
Какъ другъ, васъ не оставитъ
Въ забвеньи никогда.
Но только до кармана
Его коснитесь вдругъ,—
Другъ вѣрный, безъ обмана—
Тотчасъ же вамъ не другъ

—

НИГИЛИСТКА.

Всегда съ очками на глазахъ,
Всегда съ портфелемъ подъ рукою,
Всегда съ улыбкой на устахъ,—
Улыбкой пошлою, тупою;
Хоть въ букляхъ, хоть набѣлена,
Хоть въ фантастическомъ нарядѣ,
Но все несказанно она
Смѣшна, противна и въ парадѣ.
Всегда дичь всякую несетъ
И нигилисткою слыветъ.
Хоть голова ея пуста,—
Она умомъ своимъ гордится;
Хотя исчезла красота, —
Всѣхъ увлекать собой стремится.
Клеймо ужасное свое
Хоть злыя страсти положили
Въ лицѣ истерзанномъ ея,
Чело морщины ужъ покрыли,—
Всегда дичь всякую несетъ
И нигилисткою слыветъ.
Свою любовь она дарить
Готова всѣмъ, всѣхъ обожаетъ;

Должно какъ мыслить и какъ жить,
Всѣхъ просвѣщаетъ, наставляетъ;
Хотя сама всю жизнь свою
Безцѣльно, пошло лишь проводитъ,
Одно твердитъ: «прогресъ люблю»,
Рѣчь о гуманности заводитъ,
Всегда дичь всякую несетъ.
И нигилисткою слыветъ
Ни сердца, ни души вы въ ней,
Ни здравой мысли не найдете,
Ея уродомъ изъ людей
Вы съ убѣжденьемъ назовете.
Нѣтъ-нѣтъ, не женщина она,
Ея упрекъ, карикатура,
Хоть говорятъ: она умна,—
Сказать правдивѣй—самодура.
Всегда дичь всякую несетъ
И нигилисткою слывэтъ.

—

ПРОШЛОЕ.

(Разсказъ бабушки.)

Какъ все на свѣтѣ измѣнилось,
Что нѣтъ прошедшаго слѣда!
Въ тѣ дни, когда и я рѣзвилась,
Была юницею когда,—
Не такъ тогда мы всѣ живали,
Какъ вспомнить о своемъ быломъ,
Не такъ любили и страдали,
Иначе мыслили о всемъ,
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.

Теперь дѣвица выростаетъ,
Ее спѣшатъ тотчасъ учить;
Глядишь, она все понимаетъ,
Умно въ гостинныхъ говоритъ.
А прежде только она смѣла
Да или нѣтъ-съ всѣмъ отвѣчать,
Молчать ея лишь было дѣло,
Себя лишь скромницей держать.
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
Работамъ только обучали:
Чулки вязать, рубашки шить;
А въ грамоту не посвящали,—
Знать просвѣщенной вредно быть.
Пожалуй, вздумаетъ влюбиться,
Начнетъ записочки писать,
Чтобъ съ другомъ чувствами дѣлиться.
Не надо грамоту ей знать.
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
Бывало, замужъ выдавали
Всегда дѣвицу за того,
Ея родители избрали
Ей въ покровители кого.
Ей милъ ли онъ? О томъ не спросятъ:
Что смыслитъ разсуждать она?
Когда къ вѣнцу ее попросятъ,
Повиноваться лишь должна.
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
Женихъ же, если пожелаетъ
Ея взаимность самъ узнать,
Отецъ ее тутъ пристращаетъ,
Научитъ, какъ ей отвѣчать.

Небось, «люблю» невольно скажетъ,
Какъ табакеркой погрозитъ,
Или ей плеть отецъ покажетъ.
Ну, какъ же ей не полюбить!
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
А жить какъ съ мужемъ она будетъ,
И будетъ счастлива ли съ нимъ?
Или его, себя загубитъ?—
До этого нѣтъ дѣла имъ.
Имъ лишь по правиламъ морали
Ихъ удалось бы обвѣнчать,—
Вѣдь не умретъ же отъ печали,
Привыкнетъ сердце покорять.
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
Что за любовь! Разсчетъ дѣльнѣе,
Надежнѣй съ нимъ счастливой быть;
Теперь вѣдь мыслятъ всѣ смѣлѣе,
А мы не смѣли и любить.
Теперь дѣвица избираетъ
По сердцу друга, по любви;
Теперь отецъ не назначаетъ:
Того-то мужемъ назови.
Хоть, говорятъ, была умна
Простая наша старина.
Теперь мужчина вѣдь свободно
Дѣвицѣ руку даже жметъ,
Обходится хоть благородно,
Но дичь ей всякую несетъ.
Теперь дозволено сближенье
Всегда съ мужчинами имѣть,—
У насъ считалось преступленьемъ
На нихъ украдкой посмотрѣть.

Хотъ, говорятъ, была умна
Простая наша старина.

—

ПАДШІЙ.

Когда-то, въ молодые годы,
И онъ не празднымъ въ мірѣ жилъ,
Онъ былъ не дикій сынъ природы,
Трудился тоже и служилъ,
И шелъ дорогою счастливой
Когда-то въ жизни онъ своей;
Былъ тоже баричъ горделивый,
Былъ не послѣднимъ изъ людей.
Теперь же счастье измѣнило.
Ахъ, кто-бъ его теперь узналъ!
Жестоко страсть его сгубила,
Онъ падшимъ пьяницею сталъ.
　　Не издѣвайтесь же порою
　　Надъ этимъ падшимъ существомъ.
　　Скажите лучше: «Богъ съ тобою!»
　　И пожалѣйте вы о немъ.
Теперь онъ, міромъ позабытый,
Въ презрѣнной долѣ жизнь влачитъ,
Все бродитъ рубищемъ покрытый,
«Мнѣ все равно» всегда твердитъ.
Теперь пріюта не имѣетъ
И голодъ, холодъ терпитъ онъ,
Все только водкой себя грѣетъ,
Своимъ безумьемъ упоенъ.
Всегда въ грязи и въ непогоду
Всегда промокшій до костей,
Онъ сноситъ всякую невзгоду,
Онъ жалокъ въ участи своей.

Не издѣвайтесь же порою
Надъ этимъ падшимъ существомъ.
Скажите лучше: «Богъ съ тобою!»
И пожалѣйте вы о немъ.
Безсмысленное выраженье
Въ его померкнувшихъ глазахъ,
Въ его движеньяхъ изступленье
И дикость страшная въ чертахъ.
Безцѣльны всѣ его желанья;
Онъ самъ не знаетъ, что творитъ,
Кричитъ, бранится безъ сознанья,
Иль бредный ропотъ говоритъ:
Зачѣмъ страдаетъ онъ полвѣка;
Что тяжка нищаго сума.
Ужасно видѣть человѣка
Въ такомъ отсутствіи ума!..
Не издѣвайтесь же порою
Надъ этимъ падшимъ существомъ,
Скажите лучше: «Богъ съ тобою!»
И пожалѣйте вы о немъ.

—

ИСКАТЕЛЬНАЯ ДАМА.

Она является вездѣ,
Не дожидаясь приглашенья;
Отъ ней не скроешься нигдѣ,
Съ ней не избѣгнешь столкновенья.
И высшій, средній, низшій кругъ —
Доступны ей, она всѣхъ знаетъ;
Всѣмъ задушевный она другъ,
Предъ всѣми ласки расточаетъ.
Но всѣмъ наскучила она,
Ухой Демьяна названа.

Вникаетъ глубоко всегда
Въ домашній бытъ, въ дѣла чужія,
Подъ видомъ пользы, — не вреда;
Потомъ разноситъ сплетни злыя.
Свои услуги оказать
Она какъ другъ всегда готова,
Чтобъ васъ увлечь и обобрать;
Но эта хитрость всѣмъ ненова
И всѣмъ наскучила она,
Ухой Демьяна названа.
Передъ людьми всегда ханжитъ,
Видъ благочестья принимаетъ,
Всѣмъ о спасеньи говоритъ
И на добро всѣхъ наставляетъ.
Сама-жъ пороковъ не чужда,
Все жаждетъ жизни, наслажденья,
Все бредитъ о любви всегда
И терпитъ ревности мученья.
Всѣмъ, всѣмъ наскучила она,
Ухой Демьяна названа.
Врагъ всѣмъ невѣстамъ, женихамъ,
Всѣмъ въ сватовствѣ она мѣшаетъ,
Поноситъ всѣхъ дѣвицъ и дамъ,
Всегда все завистью страдаетъ.
Хотя ей въ радостяхъ земныхъ
Давно природа отказала,
Но древность лѣтъ она своихъ
Еще ни разу не сознала.
Всѣмъ, всѣмъ наскучила она,
Ухой Демьяна названа.

—

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Всегда онъ въ старенькомъ пальтѣ
Коричневаго цвѣта,
Всегда въ дѣлахъ, все въ суетѣ,
Всегда далекъ отъ свѣта.
Жизнь очень тихую ведетъ,
Знакомства избѣгаетъ,
А все народъ къ нему идетъ,
Все бѣдныхъ принимаетъ.
Съ участьемъ входитъ въ нужды ихъ
И помогаетъ скоро,
Всегда открыть кредитъ для нихъ,
Его казна готова.
А люди все его не чтутъ,
За всѣ благодѣянья
Ростовщикомъ его зовутъ,
Уродомъ—въ посмѣянье.
А сколько горя онъ, трудовъ
Для пользы ближнихъ сноситъ:
Не платитъ вдругъ одинъ долговъ,
Другой отсрочки проситъ;
Тотчасъ же надобно писать
На всѣхъ на нихъ прошенья—
Кого за долгъ въ тюрьму сажать,
Чье продавать имѣнье;
А кто процентовъ въ срокъ не взнесъ,
Онъ вещи закладныя
Того сбывать, глядишь, понесъ...
Вѣдь хлопоты какія?
А люди все его не чтутъ,
За всѣ благодѣянья
Ростовщикомъ его зовутъ,
Уродомъ—въ посмѣянье.

А чтобъ составить капиталъ
Для пользы, для кредита—
Себѣ во всемъ онъ отказалъ,
Вся жизнь ни въ чемъ убита.
На свѣтѣ какъ бѣднякъ живетъ,
Онъ радостей не знаетъ,
Онъ даже скудно ѣстъ и пьетъ,
Свой вкусъ не услаждаетъ;
Не любитъ въ мірѣ никого,
А любитъ только злато,
Давно отрекся отъ всего,
Чѣмъ только жизнь богата.
А люди все его не чтутъ,
За всѣ благодѣянья
Ростовщикомъ его зовутъ,
Уродомъ—въ посмѣянье.
Онъ душу, совѣсть запятналъ
Тяжелыми грѣхами,
Какъ благодѣтелемъ всѣхъ сталъ,
Вошелъ въ дѣла съ людями.
Заглохли, умерли всѣ въ немъ,
Всѣ чувства человѣка,
Онъ позабылъ о всемъ святомъ,
Прожилъ хотя полвѣка,
Не сдѣлалъ никому добра,
Ни Богу приношенья.
Когда пріидетъ ему пора
Сойти во гробъ, — забвенью
Его на вѣки предадутъ,
За всѣ благодѣянья
Ростовщикомъ лишь назовутъ,
Уродомъ—въ посмѣянье.

—

КОТЪ.

Что ты, котъ мой, все лежишь,
Все курны-мурны поешь,
Все привѣтливо глядишь?
Что понять ты мнѣ даешъ?
Иль меня ты вызываешь
Вмѣстѣ пѣсни пѣть съ тобой
И развлечь меня желаешь
Ты въ моей кручинѣ злой?
Пой же пѣсни мнѣ твои,
Запою и я свои.
Можетъ быть, я позабуду
Злобу хитрости людей
И тогда довольнѣй буду
Въ жизни долею своей
Перестану ихъ дѣянья,
Ихъ житье я разбирать
И порой негодованье
Къ нимъ въ душѣ своей питать.
Пой же пѣсни мнѣ твои,
Запою и я свои.
Въ тишинѣ съ тобой мечтая,
Лучше вспомню старину,
Вновь въ прошедшемъ оживая,
Запою я про весну,
Про любовь, про то, что мило
Было въ жизни мнѣ тогда,
О чемъ сердце затаило
Въ себѣ память навсегда.
Пой же пѣсни мнѣ твои,
Запою и я свои.
На душѣ отраднѣй станетъ,
Закипитъ сильнѣе кровь,

Жизнь опять къ себѣ приманитъ,
Приголубитъ меня вновь.
И судьбу мою, тиранку,
Стану я благословлять...
Ляжемъ, котъ мой, на лежанку,
Будемъ вмѣстѣ мы мечтать.
Пой ты пѣсни мнѣ твои,
Запою и я свои...

—

СОЛОВЕЙ.

Какъ прежде, въ тишинѣ ночей
Ты все поешь, другъ соловей.
Все также чудно, также мило
Живая пѣснь твоя звучитъ;
Все та же въ ней плѣнять есть сила,
Душѣ о многомъ говоритъ.
Но я ей холодно внимаю,
Не такъ, какъ въ прошлые года,
Мечты и мысли не сливаю
Теперь я съ нею, какъ тогда.
Напрасно въ тишинѣ ночей
Ты все поешь, другъ соловей.
Прошло то время, какъ, бывало,
Тебѣ внимая въ тишинѣ,
О счастьи сладко я мечтала,
О томъ, что грезилось и въ снѣ.
Теперь меня не утѣшаетъ
Краса природы, свѣтъ луны,
Лишь пѣснь твоя напоминаетъ
О многомъ мнѣ изъ старины.
Ахъ, замолчи, другъ соловей,
Не пой, не пой въ тиши ночей!

Душа невольно очерствѣла
Въ борьбѣ съ суровою судьбой,
И сердце тоже охладѣло,
Не бьется жизнію былой.
Убита молодая сила,
Погасъ жаръ юношескихъ лѣтъ,
Все горе злое сокрушило,
Возврата сгубленному нѣтъ.
    Ахъ, замолчи-жъ, другъ соловей,
    Не пой, не пой въ тиши ночей!

—

КОГДА ЛЕГКО, КОГДА ТЯЖЕЛО.

Когда я съ музою досугъ мой дѣлю,
Когда кипитъ во мнѣ вдохновенье,
Тогда не томитъ тоска душу мою
И мнѣ дороги эти мгновенья.
    Тогда у меня на сердцѣ легко,
    Мысли свободно летятъ далеко.
Когда-жъ я бываю въ бесѣдѣ глупцовъ
И слушаю всѣ сплетни ихъ злыя,
Или сладкимъ рѣчамъ внимаю льстецовъ,
Меня волнуютъ чувства другія.
    И такъ тяжело мнѣ бываетъ тогда,
    Что отъ людей убѣгаю всегда.
Когда съ друзьями веселюсь я порой,
Когда охотно съ ними дѣлюся
Моими мечтами, моею душой
И вѣрю, что съ врагомъ не столкнуся,—
    Тогда у меня на сердцѣ легко,
    Мысли свободно летятъ далеко.
Когда-жъ я встрѣчаю завистливый взглядъ,
Слышу-ль хохотъ надъ падшимъ несчастнымъ,

Во мнѣ разливается желчный ядъ,
Я предаюся чувствамъ ужаснымъ —
И такъ тяжело мнѣ бываетъ тогда,
Что отъ людей убѣгаю всегда.
Когда-жъ въ чьихъ очахъ простодушный привѣтъ
И сожалѣнье къ ближнимъ встрѣчаю,
Иль на вопль нищаго, чью руку въ отвѣтъ
Съ подаяньемъ въ окнѣ замѣчаю,
Тогда у меня на сердцѣ легко,
Мысли свободно летятъ далеко.

—

ПРОЩАНЬЕ БАНКРОТА СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Что вы при встрѣчѣ случайной со мною
Такъ робко на меня бросаете взглядъ,
Подать мнѣ руку боитесь порою?
Или васъ пугаетъ мой бѣдный нарядъ?
Или я такъ измѣнился собою,
Что трудно для васъ меня узнавать?
Не узнавайте!
Не могу васъ на обѣдъ приглашать,
Прощайте!..
Прошло то время, когда вы встрѣчались,
Всегда такъ почтительно кланяясь мнѣ,
И расточать мнѣ привѣты старались.
Да, былъ я тогда вѣдь счастливѣй въ судьбѣ,
Какъ мухи вы на обѣдъ мой слетались;
А теперь я забытъ, сталъ я не тотъ.
Не узнавайте!
Не дамъ вамъ денегъ въ займы: я банкротъ.
Прощайте!..
Я съ вами промоталъ все состоянье,
Работой теперь хлѣбъ себѣ достаю,

Всѣ тяжелыя мои испытанья
Я съ вами, друзья, никогда не дѣлю.
Утѣшить меня у васъ нѣтъ желанья,
Сталъ я для васъ неизвѣстный, чужой.
Не узнавайте!
Я и самъ на васъ радъ плюнуть порой.
Прощайте!..

—

СВАДЬБА.

У входа храма, у дверей,
Толпится множество людей.
И вы невольно захотите
Туда же заглянуть. Тотчасъ
Вотъ тамъ раздался съ клиросъ гласъ:
Грядите! — Грядите! — Грядите!
Вотъ-вотъ невѣста подъ вѣнцомъ,
При блескѣ свѣчъ, при звукахъ пѣнья,
Передъ священнымъ алтаремъ,
Въ нарядѣ пышномъ, голубомъ,
Стоитъ безмолвная, въ смущеньи,
И въ бѣлой фатѣ, и въ цвѣтахъ,
Съ свѣчей горящею въ рукахъ.
Какъ полна грудь ея волненья!
Мила, прелестна какъ она!
Блѣдна, какъ мраморъ холодна;
Есть много, много выраженья
Въ ея лицѣ тоски нѣмой,
Покорства предъ своей судьбой.
У жениха и взглядъ спокойный,
Рѣшимость, твердость видны въ немъ;
Самимъ собою, всѣмъ довольный,
Стоитъ онъ бодро подъ вѣнцомъ,

Съ смущеннымъ нѣсколько лицомъ.
Мила невѣста какъ собою,
Такъ не красивъ ея женихъ:
Онъ убѣленный сѣдиною,
Серьозныхъ лѣтъ уже достигъ,
Лицо морщины покрываютъ,
А видъ и взоръ его суровъ;
Слѣды заботъ, страстей, трудовъ
Невольно ярко выражаютъ,
Что многое онъ испыталъ,
Давно отцвѣлъ, давно увялъ.
Зато онъ дѣвѣ состоянье
Съ рукою вмѣстѣ предложилъ,
Свое значительное званье,—
Отъ ней отказъ не получилъ.
Хотя недавно только билось
Въ невѣстѣ сердце о другомъ,
О другѣ миломъ, молодомъ;
Но бѣденъ тотъ,—она рѣшилась
Ему «прости» на вѣкъ сказать,
А богачу принадлежать.
И можетъ быть о немъ проснулось
Въ ней вспоминанье въ этотъ мигъ,
Ей въ храмѣ подъ вѣнцомъ взгрустнулось.
Но все окончено для нихъ,
Не возвратить ужъ ей былаго,
Должна любить она другаго.
Не вспыхнетъ радостью лицо,
О счастьи не блеснутъ мечтанья.
Простите, прежнія желанья!
Принято брачное кольцо.
Вотъ ихъ окончено вѣнчанье,
И, какъ супруговъ молодыхъ,
Спѣшатъ друзья поздравить ихъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПЛЕМЯННИКА.

Что вижу я? Въ углѣ
Лежитъ, парчей покрытый,
Мой дядя на столѣ,
И гробъ уже обитый,
Готовятъ для него.
Вотъ чудо совершилось!
Что вдругъ душа его
Съ землею распростилась.
Какъ это право жаль!
Несчастіе какое!
И радость, и печаль
Меня тревожатъ вдвое.
Ну, что же, такъ и быть,
Знать Божіе призванье—
Оставить, позабыть
Земныя всѣ страданья.
Довольно онъ пожилъ,
Довольно насладился;
Спасибо, скряга былъ,
Ни въ чемъ не разорился;
Составилъ капиталъ,
Устроилъ онъ имѣнье
И все мнѣ завѣщалъ
Въ предсмертномъ ужъ томленьи.
А прежде не давалъ
Ни гроша мнѣ, бывало;
Все пряталъ, собиралъ,
Всего казалось мало;
Хотѣлъ все богатѣть;
Хотя былъ дряхлъ лѣтами,
Не думалъ умереть,
И добрыми дѣлами

Грѣхи свои покрыть
Въ немъ не было желанья.
Пусть Богъ его проститъ
За то, что состоянье
Оставилъ мнѣ свое.
Теперь повеселюся,
Теперь все, все мое;
Теперь-то я упьюся,
Шампанскимъ поминать
Его не пожалѣю
И честь ему воздать
Послѣднюю съумѣю.
Лишь только-бъ схоронить
Его мнѣ поскорѣе
Да весь парадъ отбыть:
На сердцѣ веселѣе
Какъ стало бы тогда!
А то еще очнется
Да встанетъ, вотъ бѣда!
Нѣтъ-нѣтъ, онъ не проснется,
Уснулъ онъ вѣчнымъ сномъ,
Въ немъ кровь уже остыла
И смерть печать на немъ
На вѣки положила.

—

МАТЕРИ.

Съ какой любовью ты ласкаешь
Младенца, сына твоего!
Съ какой заботой охраняешь
Всегда спокойствіе его!
Когда здоровъ—ты въ восхищеньи,
Иль боленъ онъ когда порой—

Въ какомъ тогда надъ нимъ волненьи
Хлопочешь ты, крушась тоской.
Его лелѣешь ты, мечтая
Въ немъ много блага обрѣсти:
Что онъ взростетъ и, утѣшая,
На жизненномъ своемъ пути
Пойдетъ дорогою счастливой;
Послужитъ, денегъ наживетъ
И будетъ баринъ горделивый,
Въ почетѣ вѣкъ свой проведетъ.
Да, хороши твои желанья
И сладостны твои мечты;
Но совершатся-ль ожиданья?
Обманешься, быть можетъ, ты.
Быть можетъ, утѣшеній море
Въ его ты будущемъ найдешь,
А можетъ быть ты встрѣтишь горе
И много слезъ о немъ прольешь.
Твой сынъ пойдетъ дорогой тѣсной,
Не той, какой идетъ магнатъ:
Своимъ онъ родомъ неизвѣстный
И, къ сожалѣнью, не богатъ.
Быть можетъ, долгими трудами
И жалкимъ униженьемъ онъ
Передъ почетными людями
И будетъ къ цѣли доведенъ,
Въ чинахъ получитъ повышенье,
Иль мѣсто важное займетъ,
За все терпѣнье въ награжденье,
Карманъ свой золотомъ набьетъ.
А можетъ быть онъ, не встрѣчая
Къ себѣ сочувствія ни въ комъ,
Лишь грудь напрасно надрывая
Надъ долгимъ, тягостнымъ трудомъ,

Въ писцахъ дни лучшіе загубитъ
Своей онъ жизни молодой
И долею его лишь будетъ
Борьба съ всегдашнею нуждой;
Иль, потерявши онъ терпѣнье,
Еще до худшаго дойдетъ,
Какъ горя своего забвенья
Искать въ питейномъ онъ пойдетъ.
Тогда—конецъ всѣмъ ожиданьямъ,
Тогда—прости твои мечты;
О бѣдномъ сынѣ съ состраданьемъ
Тогда не разъ поплачешь ты.

—

ОНА.

Давно-ль въ дни юности своей
Она блистала красотою?
Давно-ль плѣняла всѣхъ собою,
Все было дивно, мило въ ней?
Какъ ангелъ, съ чистою душою,
Она вступила въ жизнь и свѣтъ
И какъ дитя всѣмъ восхищалась;
Отъ всѣхъ встрѣчала лишь привѣтъ,
Во всемъ ей счастье улыбалось.
Давно-ль? Теперь она не та:
Ея поблекла красота,
Теперь она судьбой убита,
Всегда въ слезахъ или въ тоскѣ
И, цѣлымъ міромъ позабыта,
Живетъ въ убогомъ уголкѣ;
Никто ея не утѣшаетъ,
Никто ей ласки не даритъ;
Лишь крикъ ребенка заглушаетъ

Все то, чѣмъ свѣтъ ее казнитъ,
Молва что громко говоритъ.
Несчастная! Она попала,
Въ число тѣхъ сгубленныхъ судьбой,
Которыхъ имя жертвой стало
Позора, клеветы людской,
О коихъ всѣ кричатъ порой:
«Вонъ, вонъ изъ нашего ихъ круга:
« Намъ вредно, совѣстно ихъ знать!»
Но для потѣхи, въ часъ досуга,
Не прочь ихъ въ сплетняхъ вспоминать,
Надъ ними ядъ свой изливать.
А кто изъ насъ ея судьею,
Кто справедливымъ можетъ быть?
Ея паденья что̀ виною?
Какъ знать, какъ намъ о томъ судить?
Быть можетъ, сердца увлеченье,
Слѣпая вѣра въ жизнь, въ людей—
Причиною ея паденья
И жертвой сдѣлали страстей.
А можетъ быть нужды, страданья
И всѣ земныя испытанья
Ея заставили забыть
И честь, и совѣсть, все святое.
Не знаемъ мы ее былое;
Лишь можетъ Богъ ее судить.
Не будемъ же насмѣшкой злою,
Мы предъ толпой ее карать,
И такъ убитую судьбою,
Еще должно ли добивать?

—

СКУПЕЦЪ.

Безрадостно жизнь онъ проводитъ,
Однообразно и тихо всегда,
Знакомства хоть много заводитъ,
Но вечеровъ не даетъ никогда.
Квартиру въ глуши занимаетъ,
И съ обстановкою скромною въ ней
Кухарка всю службу справляетъ.
Для него не нужны поваръ, лакей,
Лошадей своихъ не имѣетъ,
Извозчикамъ деньги часто платить
Считаетъ за прихоть, жалѣетъ,
И все пѣшкомъ мостовыя гранитъ.
Пять лѣтъ онъ костюмъ не смѣняетъ:
Все тотъ же сюртукъ и тотъ же жилетъ,
И шуба его согрѣваетъ
Та же старая, конца ей все нѣтъ.
Онъ въ карты играть не умѣетъ,
Ни водки, ни вина даже не пьетъ;
Въ гостинницахъ кушать не смѣетъ.
Безъ лишнихъ затѣй, онъ скромно живетъ,
Здоровье полезнымъ считаетъ,
Табакъ лишь втораго сорта куритъ,
Цвѣточнаго чая не знаетъ,
А фамильный всегда любитъ онъ пить.
И сердечныхъ онъ чуждъ наслажденій,
Онъ женщинъ не смѣетъ думать любить
Боится, въ пылу увлеченья,
Все состоянье растратить, прожить.
Всего себя самъ онъ лишаетъ,
Всегда какъ бѣднякъ на свѣтѣ живетъ,
Весь вѣкъ только деньги скопляетъ
И все завѣтный свой кладъ бережетъ.

Такъ пошло онъ жизнь убиваетъ,
Такъ онъ въ могилу сойдетъ безъ слѣда,
И добромъ его не вспомянетъ
По смерти—увы!—никто никогда.
Получатъ его состоянье
Наслѣдники, тотчасъ станутъ кутить;
Въ благодарность скряги названье
Потомство ему за все подаритъ.

—

ПОХОРОНЫ.

Вотъ-вотъ изъ хижины убогой
Къ кладбищу бѣдняка несутъ,
А вслѣдъ за нимъ одной дорогой
Вотъ богача еще везутъ.
И здѣсь межъ ними нѣтъ сравненья,
И здѣсь почетъ не равный имъ:
Того везутъ при звукахъ пѣнья,
Всѣ въ трауръ идутъ за нимъ
Друзья, знакомые толпою;
Его гробъ бархатомъ обитъ,
Онъ весь въ цвѣтахъ и золотою
Парчей блестящею покрытъ;
А бѣдняка лишь провожаетъ
Жена съ тоскою и въ слезахъ,
Его холстина покрываетъ
Безъ украшеній, на рукахъ
Несутъ носильщики чужіе;
Его гробъ черный, гробъ простой,
Онъ рано въ лѣта молодыя
Простился съ жизнію земной;
Нужда и горе истощили
Всѣ силы крѣпкія его,

Чахотку злую въ немъ развили.
Бѣднякъ увялъ—и ничего
Ему не жаль оставить было:
Онъ счастья радостей не зналъ.
Его всю жизнь судьба крушила,
Онъ все трудился, все страдалъ,
И не понесъ въ свой гробъ съ собою
Грѣховъ тяжелыхъ на душѣ.
Ни чьихъ слезъ не былъ онъ виною,
Онъ зла не сдѣлалъ на землѣ.
А богача безъ бурь, безъ горя
Жизнь молодая протекла,
Восторговъ, утѣшеній море
Ему фортуна разлила.
Отъ всѣхъ излишнихъ наслажденій
Онъ преждевременно увялъ,
И многое здѣсь съ сожалѣньемъ
Онъ умирая оставлялъ.
А много-ль въ горній міръ съ собою
Понесъ онъ злыхъ и добрыхъ дѣлъ?
Тамъ передъ Вышнимъ Судіею
За свой счастливый здѣсь удѣлъ
Какой отчетъ дастъ? Мы не знаемъ
И не умѣемъ разгадать...
Его мы съ бѣднымъ не равняемъ,
Ему спѣшимъ почетъ воздать.

—

РАЗОЧАРОВАННЫЙ ЖЕНИХЪ.

Не молодъ я, дуренъ собой,
Но пылокъ сердцемъ и душой.
Я дѣву полюбить младую
Не прочь, какъ въ прошлые года;

Готовъ вернуть я жизнь былую
И наслаждаться какъ тогда.
Но горе! дѣвы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
А чѣмъ я, право, не женихъ
Хоть для дѣвицъ и молодыхъ?
Лицо все краскою пылаетъ:
Знать кровь во мнѣ еще кипитъ;
Да полнота тожъ украшаетъ.
Какимъ еще мнѣ надо быть?
А все дѣвицы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
Я молодецъ еще собой,
Парикъ мой, въ пукли завитой,
Мнѣ служитъ тоже украшеньемъ,
Сто тысячъ капитала есть.
Но что же? Все къ моимъ мученьямъ,
Имъ ни почемъ, все имъ не въ честь,
И все дѣвицы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
Тфу пропасть, если уже такъ,
Не буду же я самъ дуракъ:
Коль съ полнотой моей дородной
И съ капиталомъ я моимъ,
Съ моей походкой благородной—

Не прихожусь по вкусу имъ;
Когда онѣ все не хотятъ,
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ,—
Такъ я ихъ не хочу любить
И сердце имъ мое дарить;
Я холостымъ мой вѣкъ скончаю,
Я обойдуся безъ жены —
Не стоитъ, я какъ замѣчаю.
Невѣсты слишкомъ ужъ умны,
Такъ пусть онѣ, пусть не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
«Въ женатой жизни счастья нѣтъ»,
Всѣ говорятъ, кто знаетъ свѣтъ.
Жена все будетъ наряжаться
Да бѣгать по гостямъ одна
И мужу измѣнять стараться.
О нѣтъ, мнѣ не нужна жена.
Пускай дѣвицы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
То, скажетъ, вечера̀ давай,
Все модное ей покупай;
Родятся многія мечтанья,
Чтобъ капиталъ мой расточить;
А я всѣ исполняй желанья.
Нѣтъ, не хочу женатымъ быть.

Пускай дѣвицы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.
Бывало, въ прошлые года,
Жена рабой была всегда,
Хозяйство да чулочекъ знала,
Училась мужу угождать;
Теперь же всякая поняла
Какъ мужа подъ башмакъ прибрать.
Пускай дѣвицы не хотятъ
Меня любить и говорятъ,
Что не хорошъ
И не пригожъ,
Что на урода я похожъ.

—

ФЛЕЙТА.

Когда я случайно внимаю
Чуднымъ звукамъ флейты порой,
Какъ мнѣ разгадать, я не знаю,
Ихъ силу вліянья надъ мной.
Всѣ эти звуки унылые,
Гармоніи дивной полны,
Давно знакомые, милые,
Какъ пѣсни родной стороны,—
Всегда они слухъ мой чаруютъ
И душу тревожатъ мою,
Всегда мое сердце волнуютъ.
О какъ я внимать имъ люблю!
Порой, какъ потокъ они шумный,
Такъ бѣшено льются, кипятъ,

И слышенъ въ нихъ ропотъ безумный,
То ясно «прости» говорятъ.
А то—отголосокъ минутный
И радости въ нихъ прозвучитъ,
То плачъ сироты безпріютной
Въ нихъ можно понять, уловить,
То сладостно душу ласкаетъ
Любви въ нихъ отрадный привѣтъ,
То упрекъ невольно смущаетъ
И сердце забьется въ отвѣтъ.
Какъ часто они пробуждаютъ
Всѣ чувства лѣтъ прошлыхъ во мнѣ,
И въ памяти то воскрешаютъ,
Что грезилось даже во снѣ,
Что болѣе жизни любила,
О чемъ услаждала мечта,
Давно съ чѣмъ меня разлучила
На вѣки людей клевета,—
Какъ будто разсказъ я печальный
Въ нихъ слышу о всемъ о быломъ,
И вздохъ сожалѣнья прощальный,
И знакомый стукъ подъ окномъ.
О всемъ, не забыто что мною,
Мнѣ флейта порою звучитъ,
И часто хоть душу тоскою
Она мнѣ тѣснитъ и томитъ;
Но ея звуки унылые
Хотѣла-бъ я слышать всегда,
Какъ пѣсни родины милыя,
Чтобъ ихъ не забыть никогда.

—

СМЕРТЬ.

О смерть, какъ ты неумолима!
Ужасенъ зовъ твой роковой.
Какъ ты ничѣмъ неотразима,
Все губишь все своей косой!
Появишься—и разрушенья
Повсюду видѣнъ страшный слѣдъ,
И льются слезы сожалѣнья
О тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ.
Старикъ и юноша прекрасный
И дѣва въ цвѣтѣ юныхъ дней,
Младая мать, дитя несчастный—
Всѣ жертвы хищности твоей.
А сколько въ прахъ ты обращаешь
Надеждъ, желаній и трудовъ,
Когда у насъ ты отнимаешь
Родныхъ, друзей и злыхъ враговъ!
Сегодня геній вдохновенный
Для міра трудъ свершаетъ свой,
А завтра онъ, тобой сраженный,
Не мыслитъ, позабытъ толпой.
Фортуны баловень счастливый
Сегодня бредитъ о пирахъ,
Въ немъ видъ веселый, горделивый;
А завтра—онъ ничто какъ прахъ.
Бѣднякъ, для свѣта неизвѣстный,
Сегодня борется съ нуждой,
Идя своей дорогой тѣсной,
А завтра онъ въ землѣ сырой.
Сегодня дѣву восхищаетъ
Женихъ, ждетъ брачнаго вѣнца,
И жизнь надеждами ласкаетъ,
А завтра—зритъ въ немъ мертвеца

И вмѣстѣ съ нимъ въ землѣ сокроетъ
Земное счастіе свое,
Все сердце въ ней тоскуетъ, ноетъ,
Вдругъ жизнь безцвѣтна для нея.
Сегодня мать дитей гордится —
Есть много въ немъ надеждъ для ней,
А завтра—съ нимъ на вѣкъ простится,
Вновь не прижметъ къ груди своей.
О смерть! О гостья роковая!
Не посѣщай ты насъ тогда,
Когда кипитъ въ насъ жизнь младая
И блещетъ счастья намъ звѣзда.
Приди тогда съ своей косою,
Когда, съ судьбою мы въ борьбѣ,
Увянемъ жизнью и душою,
Не нужны станемъ на землѣ.

—

ПЛАЧЪ СЕКРЕТАРЯ ПО ОТСТАВКѢ.

Какъ тяжело безъ дѣла быть!
Какъ съ службой горестно прощанье!
Въ отставкѣ, право, хоть не жить:
Не жизнь, а просто прозябанье.
Никто и шапки предо мной,
Какъ въ дни былые, не снимаетъ,
И прежній подчиненный мой
Меня порой не замѣчаетъ.
И тѣ, которымъ угождалъ
Когда-то дѣла ихъ рѣшеньемъ,
Съ которыхъ взяточки я бралъ,
Съ моимъ особеннымъ почтеньемъ,—
Теперь они всѣ не глядятъ,
На вечера не приглашаютъ,

Подать мнѣ руку не хотятъ
Съ презрѣньемъ головой киваютъ.
То-ль было въ прошлые года,
То-ль было въ жизни утѣшенье,
Секретаремъ я былъ когда,
Когда имѣлъ свое значенье!
Тогда всѣ кланялися мнѣ,
Всѣ домъ мой часто навѣщали,
А подчиненные вполнѣ
Всегда почетъ мнѣ воздавали.
Шутить я съ ними не любилъ,
Вмѣнялъ дежурства въ наказанье,
Или отставкой имъ грозилъ
По пункту за неприлежанье.
Я ихъ умѣлъ въ рукахъ держать,
Къ себѣ внушить имъ уваженье;
Я страху имъ умѣлъ задать.
Никто, бывало, возраженья
Сказать не смѣетъ мнѣ ни въ чемъ;
Что прикажу, все исполнялось;
Въ палатѣ власть моя во всемъ
Ненарушимою считалась
Я ночь, бывало, проводилъ
Безъ сна, писавши *Приказали*;
Зато я всѣмъ доволенъ былъ,
Мои труды не пропадали.
Бывало, часто подъ рукой
Кредитныхъ пачку ощущаешь,
То имперьяльчикъ золотой
Въ карманъ, любуясь, опускаешь.
Увы, что сдѣлали со мной!
Для пользы службы увольненье
Мнѣ предложилъ начальникъ мой,
Мнѣ далъ отставку безъ прошенья.

Могли-жъ меня обидѣть симъ.
Я-ль службою не занимался!
Я-ль былъ секретаремъ плохимъ!
Я лучшимъ изо всѣхъ считался.
О если-бъ могъ я вновь попасть
Въ секретари, хоть на мгновенье,
О если-бъ прежняя мнѣ власть,—
Я за мое бы униженье
Всѣмъ отомстилъ бы, всѣмъ задалъ,
Дѣла еще бы лучше были,
Подъ судъ начальство бы отдалъ,
Меня бы долго не забыли.

—

ОНЪ.

Вотъ предъ иконою святою
Лежитъ онъ въ роковомъ вѣнцѣ,
Покрытъ парчею золотою,
Съ печатью смерти на лицѣ.
Горятъ вкругъ свѣчи, озаряя
Его въ полмракѣ блѣдный ликъ.
Въ тиши, какъ будто отдыхая,
Ко изголовью онъ приникъ.
Все тотъ же онъ, не измѣнился,—
Видъ горделивый тотъ же въ немъ,
Какъ будто съ жизнью не простился,
Какъ будто мыслитъ о земномъ.
Сомкнуты очи и рѣсницы,
И, кажется, онъ только спитъ;
Но съ утромъ свѣтлый лучъ денницы,
Увы, его не пробудитъ,
И сердце въ немъ вновь не забьется,
Не закипитъ въ немъ снова кровь;

Ему о прошломъ не всгрустнется
И въ немъ не вспыхнетъ вновь любовь,
Не вспомнитъ онъ и о свиданьи
Съ своей невѣстой молодой,
Не вспомнитъ съ нею часъ прощанья
И садъ, и мѣсяцъ золотой.
Все, все земное имъ забыто;
Въ замѣну брачнаго вѣнца,
Его чело теперь покрыто
Вѣнцомъ терновымъ мертвеца.
Не слышитъ онъ привѣтъ прощальный
Знакомыхъ и друзей своихъ,
Ни радости не видитъ тайной
Его наслѣдниковъ — родныхъ;
Не видитъ онъ, какъ со слезами
Невѣста молится о немъ
И ищетъ грустными очами
Его увидѣть подъ окномъ.
Ея печали безотрадной
Онъ не узритъ, не оцѣнитъ.
Увы, безчувственный и хладный,
Онъ вѣчнымъ сномъ спокойно спитъ!

—

ПОЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Со всѣми знакомъ и вездѣ онъ бываетъ,
Умѣетъ каждому во всемъ услужить;
Человѣкомъ его полезнымъ считаетъ
Свѣтъ, и всякій желаетъ въ дружбѣ съ нимъ быть.
Кто денегъ ищетъ, обанкротясь порою,
И если кто можетъ обѣды давать,
И если кто живетъ съ красоткой сестрою,
Тому онъ деньгами готовъ помогать.

Кто если подъ судъ за проказы попался,
Въ извѣстныхъ личностяхъ имѣетъ нужду,
И если богатъ, не совсѣмъ промотался,
Того онъ тотчасъ же поправитъ бѣду;
Съумѣетъ протеже ему предоставить,
Укажетъ, кого чѣмъ должно подарить,
На истинный путь его мудро наставитъ,
Благодарность за то не прочь получить.
Кто если газетъ никогда не читаетъ,
А охоту имѣетъ новости знать,—
Тому все онъ охотно, все сообщаетъ
И можетъ газеты собой замѣнять.
На кого что наплесть, кого съ кѣмъ поссорить,—
Если это нужно для пользы его,—
Тоже хитрымъ путемъ все это устроитъ,
Не запачкая реноме своего.
Да не чуждъ и сердечныхъ онъ наслажденій,
Но скромно, секретно умѣетъ любить,
Ни въ комъ не заронитъ о томъ подозрѣній
И доброй жизни своей видъ сохранитъ.
Всегда ласки свои для всѣхъ расточаетъ,
Всѣмъ истинный другъ и всѣмъ преданъ душой,
И всѣхъ доброе имя казнитъ, пятнаетъ
Втихомолку нерѣдко злой клеветой.

—

ЖУРНАЛИСТЪ.

Почти чрезъ сорокъ лѣтъ явился
У насъ Курилка журналистъ,
Какъ-бы воскресъ, иль вновь родился,
Завелъ и непотребный листъ.
И ну печатанно глаголать
Онъ въ немъ о всякихъ пустякахъ:

Какъ снѣгъ идетъ, какъ вѣтеръ воетъ,
О грязныхъ сценахъ въ кабакахъ.
Сталъ сочинять Іерихоны,
Куплетцы пошлые слагать
И всѣ свои, всѣ фельетоны
Ругней да хламомъ набивать.
Хотѣлъ онъ передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Всѣмъ доказать, что можетъ быть
Онъ литераторомъ, поэтомъ
И можетъ славу заслужить.
Но заслужилъ онъ, къ сожалѣнью,
Отъ всѣхъ лишь имя дурака
За всѣ труды и сочиненья,
И непотребнаго листка
Онъ наконецъ фельетонистомъ
Быть отказаться долженъ былъ,
Хотя Курилкой журналистомъ
По всей губерьніи онъ прослылъ.
И точно, онъ довольно вѣрный
Курилки Пушкина портретъ:
Такой же тощій, желтый, скверный;
Но только онъ не скученъ; нѣтъ,
Онъ весельчакъ, все вздоръ болтаетъ,
Всегда въ подпитьи, хоть не пьянъ;
Не грубъ, всѣмъ ласки расточаетъ;
Хоть глупъ, но не вполнѣ болванъ;
Хитрить и подличать умѣетъ,
Чтобъ только путь себѣ пробить;
Для этого не пожалѣетъ,
Онъ друга лучшаго сгубить;
Всего онъ алчетъ безконечно,
Всѣхъ выше стать всегда онъ радъ
И всѣмъ завидуетъ онъ вѣчно,
Всегда разлитъ въ немъ желчный ядъ.

НА СМЕРТЬ Н. К. . . . . ВА.

Въ жилищѣ вѣчнаго покоя
Нашъ молодой страдалецъ спитъ.
Забыто имъ все, все земное,
И ни о чемъ онъ не груститъ.
Покончилъ онъ борьбу съ судьбою,
Покончилъ съ жизнiю разсчетъ
И передъ Вышнимъ онъ Судьею
Теперь отвѣтъ во всемъ даетъ.
Теперь его не оскорбляетъ
Людей ни злоба, ни хула,
И не земной судъ разбираетъ,
А Тотъ теперь его дѣла,
Предъ Кѣмъ душа всегда открыта,
Кто тайны сердца свѣтло зритъ,
Кѣмъ все, что было, не забыто,
Кто правосуденъ можетъ быть,
Кто вѣрно приметъ въ оправданье
Его тернистый путь земной,
Кто оцѣнитъ его страданья,
Кто вѣчный дастъ ему покой, —
Дастъ тамъ, гдѣ взоръ его ласкаетъ
Теперь небесный райскiй свѣтъ,
Гдѣ слезъ никто не проливаетъ,—
Тамъ, гдѣ земнаго горя нѣтъ.
Такъ въ нашемъ мiрѣ Николая
Никто изъ насъ вновь не узритъ,
И заря Невская, пылая,
Его отъ сна не пробудитъ.
Въ природѣ дивно и прекрасно
Все оживится, расцвѣтетъ,
Луна освѣтитъ небо ясно,
Но передъ нимъ вновь не блеснетъ.

Вечерней, позднею порою
Раздастся колокола звонъ,
Но въ храмъ Исакія съ мольбою
Вновь не взойдетъ, какъ прежде, онъ.
Опять Нева засеребрится
Въ своихъ волнахъ и закипитъ,
И пароходъ по ней помчится,
Но онъ во слѣдъ не поглядитъ.
Жена, подруга молодая,
Его къ груди вновь не прижметъ,
Не встрѣтитъ больше Николая,
Нѣтъ, къ ней онъ снова не прійдетъ.
Друзья, знакомые, родные —
Его напрасно будутъ ждать;
На родину, какъ въ дни былые,
Его вновь тройкѣ не примчать.
Гдѣ беззаботный и счастливый,
Онъ взросъ, развился, возмужалъ,
Надеждой въ будущее льстивой
Отца и мать гдѣ утѣшалъ;
Гдѣ многое, что называемъ
Мы сердцу милымъ, дорогимъ,
О чемъ мы память сохраняемъ,
Что чтимъ завѣтнымъ и святымъ —
Онъ покидалъ, когда съ врагами
Въ борьбу Отечество звало,—
Кто-бъ угадалъ, что между нами
Послѣднимъ въ жизни быть могло
Тогда тяжелое прощанье,
Что онъ на вѣкъ оставитъ насъ?
Что на землѣ опять свиданья
Съ нимъ не пробьетъ желанный часъ?

23 мая 1868 года.

—

НѢТЪ, ОНЪ НЕ ТОТЪ.

Нѣтъ, онъ не тотъ. Его узнать
Теперь довольно трудно.
Возможно-ль такъ все потерять,
Такъ измѣниться чудно?
Гдѣ прежняя его краса?
Гдѣ кудри завитыя?
Гдѣ свѣтлыя, какъ небеса,
Тѣ очи голубыя,
Которыхъ взглядъ одинъ дарилъ
Душѣ блаженство, сладость,
И такъ понятно говорилъ,
Что въ немъ—тоска иль радость?
Гдѣ сердце полное огня
И силой молодою,
И гдѣ душа свѣтлѣе дня
Своею чистотою?
Гдѣ тотъ игривый, пылкій умъ,
Въ себѣ всегда вмѣщавшій
Такъ много свѣтлыхъ, гордыхъ думъ,
Его такъ украшавшій?
И гдѣ любезность, простота?
Все, все въ немъ измѣнилось...
Въ немъ и веселость ужъ не та —
Она съ нимъ распростилась.
Нѣтъ, онъ не тотъ. Нѣтъ, онъ не тотъ.
Его свѣтъ не узнаетъ.
Печать страданій и заботъ
Лицо изображаетъ.
Онъ преждевременный старикъ,
Увялъ въ борьбѣ съ судьбою,
Всегда угрюмымъ быть привыкъ
И охладѣлъ душою.

Умъ отупѣлъ, остыла кровь,
Глаза безъ выраженья,
Въ нихъ ни видна уже любовь,
Ни грусть, ни сожалѣнье.
Что-жъ сталось съ нимъ? Увы! Его
Страсть къ золоту сгубила,
Все, все земное для него
На вѣкъ похоронила.
Его старушка обвила
Цѣпями золотыми,
И жизнь его въ нихъ отцвѣла
Съ мечтами дорогими.
О золото, кумиръ людей,
Всегда насъ обольщаетъ,
Но часто хуже всѣхъ страстей
Оно насъ сокрушаетъ.

—

СПЛЕТНИЦА.

Стара, дурна она собою,
А все въ почетѣ у людей.
За что такъ счастлива судьбою?
Есть вѣрно талисманъ у ней?
Незванной гостьею бываетъ
Она вездѣ на вечерахъ,
Всѣхъ новостями надѣляетъ,
Во всѣхъ совѣтчица дѣлахъ;
Съ немалой важностью въ гостинной
Она садится на диванъ,
Плететъ разсказъ нелѣпый, длинный,
И ей какой нибудь болванъ
Съ большимъ терпѣніемъ внимаетъ,
Чтобы ее не оскорбить,

И табакерку предлагаетъ —
Носъ табакомъ ей начинить.
Всѣмъ лесть она поетъ всечасно,
Даритъ всѣхъ ласкою своей;
Но, не смотря на то, опасно
Войти въ короткость, въ дружбу съ ней:
Она какъ песъ чутье имѣетъ
И сослѣдитъ вашъ каждый шагъ,
Всю вашу жизнь узнать съумѣетъ
И какъ шпіонъ, какъ лютый врагъ
Всѣ ваши тайны разгадаетъ,
Тотчасъ же всюду разгласитъ
И ваше имя запятнаетъ,
А вамъ какъ прежде будетъ льстить.
Кто могъ постичь, понять случайно,
Какой языкъ ей острый данъ,
То для того уже не тайна
Ея волшебный талисманъ.
Тотъ съ затаеннымъ отвращеньемъ
Даритъ взаимно ласку ей,
За все ей платитъ уваженьемъ,
Но не вступаетъ въ дружбу съ ней.

—

СЧАСТЬЕ.

О счастье, счастье! Гдѣ ты, счастье,
Гостишь неузнаннымъ всегда?
Тебя поймешь лишь въ дни ненастья,
Съ тобой простившись навсегда.
Всегда въ прошедшемъ ты предъ нами,
Но въ настоящемъ тебя нѣтъ,
Живемъ лишь о тебѣ мечтами,
Нигдѣ твой не находимъ слѣдъ.

Когда же ты мелькнешь, то снова
Какъ легкій дымъ исчезнешь вдругъ
И измѣнить всегда готово
Ты, точно какъ коварный другъ.
Обманчиво, какъ сновидѣнье,
Нѣтъ вѣры болѣе къ тебѣ,
Ты только призракъ обольщенья,
Ты баснословно на землѣ.

—

ПРИВѢТЪ Н. П. И.

На жизненномъ пути я встрѣтилась съ тобой,
Моя душа въ твоей душѣ узнала,
Что ты по духу мнѣ, по чувствамъ братъ родной,
И я сочувствіе твое поняла.
Отраденъ, дорогъ мнѣ твой дружескій привѣтъ,
Какъ лучшія минуты вдохновенья.
Ты, какъ и я, равно въ душѣ твоей поэтъ,
Хоть разное намъ въ жизни назначенье:
Мой путь тернистъ, и тяжела борьба моя
Съ жизнію, съ людьми, съ мою судьбою;
Я, точно какъ ладья безъ веселъ, безъ руля,
Плыву все вдаль, гонимая волною,
Лишь знаетъ Богъ одинъ, когда, мой океанъ
Переплывя, я къ берегу родному
Прибьюсь, иль сокрушитъ меня надеждъ обманъ
И я «прости» скажу всему земному.
А ты счастливѣе меня въ своей судьбѣ,
Далекъ отъ бурь житейскихъ и волненій,
Спокойно у тебя на сердцѣ, на душѣ,
И много есть высокихъ наслажденій....
Такъ хорошо, свѣтло въ обители твоей,
Такъ все отрадно взоры въ ней ласкаетъ;

Все будто говоритъ, что скрытый отъ людей
Мужъ доблестный въ ней мирно обитаетъ.

—

САМОУБІЙЦА.

На вылетъ пулей роковою
У сердца грудь поражена,
И въ мигъ борьбы съ самимъ собою
Его рука была вѣрна.
Смерть встрѣтилъ, видно, не робѣя,
Онъ смѣло кончилъ съ ней разсчетъ;
Не бьется сердце и, хладѣя,
Изъ раны тихо кровь течетъ.
Въ лицѣ какъ ясно выраженье
Прощанья съ жизнью молодой,
Упрека, горькаго презрѣнья,
Насмѣшки злобной надъ судьбой!
Вотъ зрителей толпа читаетъ
Надъ нимъ свой грозный приговоръ,
Его поступокъ порицаетъ
И говоритъ ему укоръ.
Какъ знать, его до преступленья
Что довело? Здоровъ ли былъ?
Въ минуты ли ума лишенья
Жизнь безсознательно сгубилъ?
Или страдальца сокрушила
Борьба съ судьбою и нуждой,
Что преждевременно могила
Его пріемлетъ на покой?

—

ГОЛОСЪ ОТШЕЛЬНИКА.

Прости, блестящій, шумный свѣтъ!
Простите, радости земныя
И прошлой жизни, прежнихъ лѣтъ
Всѣ наслажденья дорогія!
Прости все то, о чемъ мечталъ
Я прежде, что мнѣ было мило,
Чего достигнуть я желалъ
И что мнѣ скоро измѣнило!
Прости, волшебный міръ земной!
Простите дѣвы молодыя
Съ своей цвѣтущей красотой,
И люди добрые и злые,
Простите! Чуждъ теперь я вамъ,
Мертвецъ теперь я между вами,
И сердца вамъ я не отдамъ
За лесть со сладкими рѣчами.
За вашъ почетъ, за вашъ привѣтъ,
За ваши братскія объятья,
За то, чему цѣны здѣсь нѣтъ,
За все земное ваше счастье —
Довольно вамъ я посвящалъ
Когда-то жизнь, въ былое время,
Покой вамъ въ жертву отдавалъ,
Сносилъ трудовъ тяжелыхъ бремя.
Довольно передумалъ я,
Довольно видѣлъ испытаній,
Душа разбитая моя
Довольно вынесла страданій.
Заутра колокола звонъ
Мое вамъ скажетъ назначенье,
И будетъ надо мной свершенъ
Обрядъ отъ міра отреченья.

Произнесу предъ Богомъ я
Обѣтъ мой съ клятвой роковою —
И облекутъ на вѣкъ меня
Одеждой черной, гробовою.
Въ стѣнахъ обители святой,
О прежнихъ радостяхъ, страданьяхъ —
Отшельника души покой
Не возмутятъ воспоминанья;
Тамъ не проснется никогда
О прошломъ въ сердцѣ сожалѣнье,
Тамъ все земное навсегда
Покроетъ вѣчное забвенье.

—

РАЗГОВОРЪ ТОВАРИЩЕЙ.

1-й. Посмотри, какъ всѣ веселятся,
Какъ масляница шумна у насъ,
Идутъ, ѣдутъ, всѣ суетятся,
Что въ глазахъ запестрѣетъ сейчасъ,
Какъ приглядишься внимательно,
Какъ весь русскій народъ нашъ кутитъ:
Кто все кричитъ безсознательно,
Кто пѣсни поетъ, кто говоритъ—
Знать, дешовка ихъ такъ веселитъ.
А вотъ еще баринъ богатый
Быстро летитъ на парѣ лихой,
Закутанъ весь въ шубѣ косматой,
Хотя морозъ теперь небольшой.
Не такъ, какъ мы далеко съ тобой
Порою въ морозы лютые
Въ своей лѣтней шинели бѣжимъ;
Мы бѣдные люди, простые
И, значитъ, не сравнимся мы съ нимъ,

Съ аристократомъ знатнымъ такимъ.
Морозъ его такъ и кусаетъ,
А насъ-то щадитъ, бѣдныхъ людей,
И простуды братъ нашъ не знаетъ,
Намъ невозможно думать о ней:
Безъ ней много горя бываетъ.
  2-й. А ну ихъ совсѣмъ. О нихъ разсуждать
Не стоитъ... лишь себя раздражать.
Зайдемъ лучше выпить съ тобою,
Чтобы горе свое позабыть;
Отчего хоть въ праздникъ порою
И намъ тоже въ подпитьи не быть?
  1-й. А что же жена-то мнѣ скажетъ,
Какъ безъ денегъ прійду я домой?
  2-й. Ничего, ничѣмъ не накажетъ,
Побрюжжитъ, помирится съ тобой.
  1-й. Ну, такъ пойдемъ, пойдемъ такъ и быть,
Въ милую душу чтобы подкутить.

—

ВОПРОСЪ.

Скажите, что вы такъ кичитесь,
Встрѣчъ избѣгаете со мной,
Какъ будто при другихъ боитесь,
Вы поклониться мнѣ порой?
Да, вы магнатъ! Иль вы гордитесь
Происхожденіемъ своимъ,
Иль состояньемъ, нажитымъ
Не трудомъ, съ обидой брата,
Съ грѣхомъ тяжелымъ на душѣ?
Да, какъ вы, я не богата,
Счастливѣй вы меня въ судьбѣ:
Карета, лошади, прислуга,

Вѣчно въ жизни перемѣны.
Нѣтъ, нѣтъ счастія слѣда,
И ни въ чемъ нѣтъ совершенства,
На землѣ душа груститъ,
Все ей здѣсь, все говоритъ,
Что на небѣ лишь блаженство
Уготовано для ней,
Тамъ для ней все, все родное,
Тамъ отечество святое,
Лишь бы Богъ судилъ бы ей
Вознестись туда скорѣй!...

130/40

ц 50 к.

Роскошный столъ, все вамъ дано,
Чтобъ веселится въ часъ досуга;
Но въ головѣ у васъ темно
И пусто, вотъ что жаль одно.
Согласна я, что драгоцѣнный
Вы гость у многихъ дураковъ,
Что предсѣдатель вы почтенный
Гостинныхъ, сплетень, пустяковъ,
И что немало есть льстецовъ
У васъ за ваше состоянье
И за роскошный вашъ обѣдъ,
За то, что вы есть членъ собранья.
Да, имъ пріятенъ вашъ привѣтъ.
За то и вы низкопоклоннымъ
Умѣете предъ ними быть,
Чтобъ ихъ вниманье заслужить,
Всегда своимъ собратьямъ тоннымъ
Себя готовы подчинить.
Для васъ во всѣмъ законъ ихъ мнѣнье;
Вы не свершите ничего
Сами собой, безъ размышленья
О томъ, что будетъ изъ того,
Что скажетъ вамъ вашъ другъ Болванычъ,
Какъ удостоитъ похвалить
Поступокъ вашъ и Петръ Кассьянычъ,
Что madame S. заговоритъ?
Невольникъ вы въ своихъ желаньяхъ
И иногда въ своихъ дѣяньяхъ.
О какъ смѣшны и жалки вы!
Ну, гдѣ же мнѣ сравниться съ вами,
Съ низкопоклонникомъ? Увы!
Моихъ поступковъ я судьями
Не избираю никого,
Не чту закономъ ни чье мнѣнье

И не страшусь я ничего,
Хотя я съ вами вѣдь въ сравненьи
Ничто: вѣдь вы аристократъ!
Да, вы богаты, вы магнатъ,
И мнѣ поэтому порою
Смѣшно въ васъ гордость замѣчать
И все вамъ хочется сказать:
Не вамъ, не съ вашей головою
Должно бы высоко стоять.

—

ПОРТРЕТЪ.

Въ моемъ рабочемъ уголкѣ,
Укрытомъ отъ людей, отъ свѣта,
Гдѣ часто я въ моей тоскѣ
Мечтаю ночью до разсвѣта.
Гдѣ много думъ, глубокихъ думъ
Кипитъ во мнѣ и гдѣ порою
Въ тиши, забывъ житейскій шумъ,
Сливаюсь съ музой я душою
Среди портретовъ близкихъ мнѣ
Родныхъ, друзей, недоставало
Еще портрета на стѣнѣ
Того, кого душа искала.
Но вотъ мой братъ, мой добрый другъ,
Мнѣ подарилъ портретъ завѣтный,
Мой уголокъ украсилъ вдругъ
Имъ какъ звѣздой, звѣздой привѣтной.
Вотъ онъ, вотъ онъ передо мной,
Стоитъ вокругъ плющемъ обвитый,
Вотъ милый мой отецъ родной,
Любимый мной, непозабытый!
Все тотъ же онъ. Въ его очахъ

Все та же доброта сіяетъ,
Все та-жъ улыбка на устахъ
Привѣтъ и счастье выражаетъ.
Видъ горделивый тотъ же въ немъ,
Какъ въ годы прошлые, младые;
Все тѣ же ордена на немъ,
Тѣ-жъ эполеты золотые.
Онъ будто смотритъ на меня,
Безъ словъ онъ говоритъ со мною,
И чувствую сближенье я
Моей души съ его душою.
Все-все прошедшее предъ мной
Въ живой картинѣ воскресаетъ,
Тѣснится много думъ порой,
Порою грудь тоска сжимаетъ,
Я уношусь въ моихъ мечтахъ
Невольно въ Ярославль далекій,
Брожу на Волжскихъ берегахъ
И вижу тамъ я храмъ высокій,
Леонтьево кладбище зрю,
А въ немъ завѣтная могила
Къ себѣ влечетъ все мысль мою.
Ахъ! Да, она его сокрыла
На вѣкъ для міра, для меня,
Въ ней прахъ его, душа далеко,
Душа жива, свѣтлѣе дня
На небесахъ паритъ высоко,
Земныхъ освободясь оковъ.
Она, быть можетъ, тамъ ликуетъ,
Гдѣ нѣтъ ни горя, ни трудовъ,
Гдѣ о земномъ не затоскуетъ.
Унылъ кладбища мрачный видъ,
И одинокая могила
Мрачна. Къ ней путь людьми забытъ,

Какъ тотъ, кого она сокрыла,
Кого знакомые, друзья
Къ ней съ сожалѣньемъ провожали,
Когда-то истинно любя;
Карабинеры воздавали
Кому послѣднiй здѣсь почетъ.
Онъ позабытъ. Всѣхъ мiръ забудетъ:
Такая всѣхъ насъ участь ждетъ.
Когда насъ на землѣ не будетъ,
Къ могилѣ нашей заростетъ
Тропа высокою травою,
Надъ нею птичка лишь споетъ
Свой гимнъ вечернею порою.

—

ЗНАЧЕНIЕ ЧЕЛОВѢКА.

К. П. Ш.....ву.

(Въ память нашего свиданiя).

Что человѣкъ въ его значеньи,
Что заключаетъ онъ въ себѣ?
Онъ Бога лучшее творенье
Изъ всѣхъ творенiй на землѣ,
Изъ всѣхъ высоко отличенный
Дарами дивными Творца,
Онъ царь всѣхъ тварей возвышенный,
Дитя небеснаго Отца.
Свѣтило мiра онъ земнаго,
Природы всѣхъ красотъ краса.
И въ немъ великаго, святаго
Какъ много! Въ немъ какъ небеса
Душа чиста, свѣтла и ясна,
Она подобье существа
Небеснаго, она прекрасна,

Она частица Божества.
А умъ глубокій въ немъ сіяетъ
Съ начала жизни до конца,
Онъ все объемлетъ, совершаетъ,
Частица мудрости Творца.
Все, что достойно удивленья,
Что украшаетъ міръ земной, —
Все это есть ума творенье,
Все плодъ его, плодъ вѣковой.
Все умъ глубоко проникаетъ,
Онъ опереживаетъ вѣкъ,
И даже съ Богомъ умъ сближаетъ,
Умомъ безсмертенъ человѣкъ.
Да, человѣкъ въ своемъ значеньи
Великъ. Творецъ ему все далъ:
Свободу, волю во владѣнье,
Чтобъ самъ собой располагалъ.
Властитель онъ своихъ желаній,
Самъ избираетъ путь себѣ,
Его стремленья и дѣянья
Плоды той воли на землѣ.
Онъ есть боецъ непобѣдимый
Съ страстями, съ жизнію, съ судьбой,
Могучій челнъ, несокрушимый
Въ житейскомъ морѣ бурей злой.
Хотя роскошно окружаютъ
Всѣ міра прелести его,
Его чаруютъ, увлекаютъ
Жизнь украшаютъ для него, —
Но онъ страдалецъ, онъ всечастно
Встрѣчаетъ жизненный толчокъ,
Стремится отдохнуть... Напрасно:
Все берегъ пристани далекъ,
Со всѣмъ земнымъ борьба все длится

И длится часто до конца,
Пока призванье совершится
Надъ нимъ Небеснаго Отца —
Оставить жизнь свою земную
Всему сказать на вѣкъ «прости»,
Узнать жизнь духа, жизнь другую,
Чрезъ смерть на небо перейти,
Туда... Туда, гдѣ ожидаетъ
Безсмертье вѣчное его,
И гдѣ Господь уготовляетъ
Надежну пристань для него.
Не вѣчна жизнь его земная,
Онъ гость, онъ странникъ въ мірѣ семъ,
Цѣль бытія его другая:
Онъ въ міръ приходитъ лишь затѣмъ,
Свое свершить чтобъ назначенье,
Чтобъ пострадать и умереть,
Путемъ добра, путемъ спасенья
Дверь въ рай открыть себѣ съумѣть.

—

ЛЮБОВЬ БОГА КЪ ЧЕЛОВѢКУ.

(На прощанье К. П. Ш—ву).

О Царь небесный, всемогущій,
Премудрый всѣхъ міровъ Творецъ,
Непостижимый, вездѣсущій,
Создатель мой, Мой Богъ, отецъ!
Какъ велика, какъ безконечна
Ко мнѣ, Господь, любовь твоя!
Благодарить и славить вѣчно
Я за нее должна тебя.
Что я? Я есть твое творенье.
Ты въ міръ земной меня послалъ,

Свершить твое въ немъ назначенье;
Ты всѣ пути мнѣ указалъ,
Ты далъ мнѣ умъ и далъ мнѣ волю,
Чтобъ я могла въ немъ все творить,
Избрать себѣ любую долю,
Чтобъ я могла счастливой быть.
Излилъ всѣ на меня щедроты,
Все мнѣ для жизни даровалъ,
Всегда во всемъ твои заботы
О мнѣ, Господь, Ты проявлялъ!
Ты выше всѣхъ меня поставилъ,
Всѣ твари мнѣ подчинены,
Надъ всѣми власть мнѣ предоставилъ,
Плоды земли всѣ мнѣ даны—
И это небо, рѣки, горы,
И это солнце, и луна,
Все, что мои здѣсь видятъ взоры,
Все, чѣмъ природа такъ полна,
Чѣмъ наслаждаюсь въ ней порою,
Все, чѣмъ дышу, питаюсь я, —
Все это создано Тобою,
Все для меня, все для меня!
Властитель неба и вселенной
Все, все объемлющій собой,
Неизъяснимый, сокровенный
Свѣтъ дивный истины святой
И безначальный, безконечный,
Господь всесильный, царь царей,
Сіяющій во славѣ вѣчной,
Все подъ десницею своей
Хранящій, жизнь и все дающій
И на землѣ, и въ небесахъ,
Все сотворить въ моментъ могущій
И обратить въ ничто, во прахъ!

Твоему величью нѣтъ сравненья!
Все, все ничто передъ Тобой!
Ничто и я, твое творенье,
Твоя раба. Я червь земной,
Ничто; а между тѣмъ я смѣю
Тебя Отцомъ моимъ назвать
И право отъ Тебя имѣю
Съ Тобой сближенія искать.
И Ты для моего спасенья
Сошелъ съ небесъ и плоть пріялъ,
Для моего Ты возрожденья
Такъ много, много пострадалъ;
Прошелъ съ терпѣньемъ жизнь земную,
Страдальцемъ, странникомъ Ты былъ
И пролилъ кровь Свою святую,
И на крестѣ духъ испустилъ,
Чтобъ искупить мое паденье,
Чтобы отъ мукъ спасти меня,
Чтобъ въ райскія твои селенья
Могла войти — о Боже! — я,
Чтобъ дать мнѣ Свой законъ священный,
Чтобъ слабый умъ мой просвѣтить,
Мнѣ указать міръ совершенный,
Чтобъ тайны неба мнѣ открыть,
Чтобъ я познала путь спасенья,
Дотолѣ неизвѣстный мнѣ,—
Путь добродѣтели, терпѣнья,
Ведущій, Господи, къ Тебѣ.
И таинство Ты покаянья
Для моего спасенья далъ,
Душевныхъ ранъ мнѣ врачеванье
Въ чемъ обрѣсти Ты указалъ.
Ты завѣщалъ мнѣ въ очищенье
И плоть, и кровь Твою вкушать,

И черезъ то съ Тобой сближенье
Въ земной мнѣ жизни достигать.
О Боже мой! непостижима
Любовь великая Твоя
Ко мнѣ. Она неоцѣнима:
Ты Богъ, Отецъ, все для меня.

—

ЗЕМЛЯ и НЕБО.

Вотъ роскошною красой
Блещетъ южная природа,
И прекрасенъ міръ земной
И отраденъ какъ свобода.
Вотъ сіяетъ майскій день,
Птички Божіи порхаютъ,
И даритъ прохладу тѣнь,
Всѣ цвѣты благоухаютъ.
Все прекрасно, но лежитъ
На душѣ ночь безъ разсвѣта,
Что-то все ее томитъ,
Будто что ей говоритъ,
Что ни счастья, ни привѣта
На землѣ ей не найти,—
Здѣсь ни въ чемъ нѣтъ совершенства,
А на небѣ лишь блаженства
Ей возможно обрѣсти....
Вотъ и солнышко горитъ,
Сводъ небесный позлащаетъ,
Все вокругъ животворитъ,
Все собою озаряетъ.
А надолго ли оно?
Скоро туча появится,
Снова станетъ все темно,

Дождь на землю будетъ литься,
Вновь подыметъ буря вой,
Силой грозною, могучей
Дубъ разрушитъ вѣковой,
Понесетъ все за собой,
И застонетъ лѣсъ дремучій.
Въ небесахъ же мрака нѣтъ,
Тишина тамъ неизмѣнна,
Тамъ все дивно-сокровенно,
Тамъ сіяетъ вѣчный свѣтъ.
  Вотъ толпу обворожаетъ
Дѣва юная красой.
Все въ ней счастье выражаетъ,
Радость, нѣгу и покой;
Сердце жизнію въ ней бьется,
И любовь пылаетъ въ ней,
Ни о чемъ ей не всгруснется,
Все даритъ утѣхи ей.
Но промчатся только годы,—
Въ ней поблекнетъ красота,
Она станетъ ужъ не та
И узнаетъ дни невзгоды,
Жизнь обманетъ какъ мечта,
И всѣ лучшія желанья,
Всѣ надежды измѣнятъ.
Въ небесахъ же нѣтъ страданья,
Небо все намъ можетъ дать!...
  Вотъ и юноша прекрасный
Какъ красуется, цвѣтетъ,
Взоръ въ немъ блещетъ сладострастный,
Все къ нему зоветъ, влечетъ....
Моря счастья, наслажденья,
Все спѣшитъ испить порой,
Дѣлитъ лучшія мгновенья

Онъ съ подругой молодой.
Любятъ жарко, любятъ страстно.
Но на-долго ли? Потомъ
Охладѣютъ чувства въ немъ;
Обмануть ее напрасно
Хочетъ онъ: она пойметъ,
Страсть въ себѣ къ нему убьетъ,
И ужъ тоже занимаетъ
Вновь другой ее предметъ.
Небо-жъ намъ не измѣняетъ,
Въ небесахъ обмана нѣтъ!...
Вотъ богачъ гордится златомъ
Передъ глупою толпой,
Предъ мѣшкомъ его богатымъ
Всѣ творятъ поклонъ порой;
Въ наслажденьяхъ утопаетъ,
Можетъ все купить, достать,
Жизнь его всѣмъ утѣшаетъ,
Всѣ ему лишь лесть твердятъ.
Но съ потерей состоянья
Встрѣтитъ много онъ обидъ,
Будетъ всѣми позабытъ,
Затаитъ въ душѣ страданье;
А на небѣ лести нѣтъ,
Нѣтъ потерь тамъ безъ возврата,
Тамъ не нужно злата, злата,
Чтобъ купить людей привѣтъ.
Вотъ и геній вдохновенный
Жизнь проводитъ надъ трудомъ,
Тѣшась мыслью затаенной,
Что узнаетъ свѣтъ о немъ.
Въ немъ толпа талантъ признаетъ,
Поднесетъ ему вѣнецъ,
Вотъ почетъ онъ получаетъ;

Но какой всему конецъ?
Все гоняяся за славой,
Бывши ею упоенъ,
Вдругъ толпой осмѣянъ онъ,
Вдругъ онъ служитъ ей забавой
И какъ громомъ пораженъ.
А на небѣ жажда славы,
Какъ и горе, не томитъ,
Смѣхъ толпы не оскорбитъ.
Нѣтъ тамъ счастія отравы,
Небо радости даритъ.
  Вотъ съ любовью все взираютъ
Мать, отецъ на чадъ своихъ,
Много-много ожидаютъ
Утѣшенія отъ нихъ
И мечтаютъ прежде время
О ихъ счастіи земномъ,—
Что посѣянное сѣмя
Выйдетъ съ доблестнымъ плодомъ;
Но, напротивъ ожиданья,
Видятъ падшихъ въ нихъ людей,
На закатѣ своихъ дней
Сносятъ всѣ отъ нихъ страданья...
Обманули упованья,—
То могила ихъ беретъ,
Льются слезы сожалѣнья.
А на небѣ нѣтъ лишенья —
Тамъ безсмертіе насъ ждетъ!...
Жизнь хотя здѣсь увлекаетъ,
Хоть прекрасенъ міръ земной,
Но въ немъ горе обитаетъ,
Ненадеженъ въ немъ покой.
Въ немъ обманы, въ немъ измѣны,
Зависть, хитрости, вражда,

